

Хэ Янься вспомнила отчаянное выражение лица Му Цзышань, когда они расстались, и сердце её дрогнуло. Не в силах успокоиться, она вернулась в небольшой дворик, где жила Му Цзышань. Едва переступив порог, она похолодела: Му Цзышань приставила к собственной шее висевший на стене меч. Острое лезвие тут же оставило на коже тонкую красную полосу. В панике Хэ Янься сорвала с пояса нефритовую подвеску и метнула её в меч. Раздался звон — мощный удар отбросил клинок из рук Му Цзышань, а сама подвеска, столкнувшись с острой сталью, разлетелась на две части и упала на землю.

Меч отлетел в сторону. Му Цзышань долго сидела в оцепенении, прежде чем обернулась и увидела Хэ Янься, стоявшую в дверях с разъяренным лицом. Не обращая внимания на разбитую бесценную реликвию, Хэ Янься ворвалась в комнату, подхватила меч и, сжимая его в руке, вперила в Му Цзышань пылающий гневом взгляд.

— Хорошо ещё, что я не поверила тебе до конца. Ты, оказывается, совсем не стоишь доверия... — голос Хэ Янься дрожал от ярости, она смотрела на Му Цзышань так, словно была готова разорвать её на части. Му Цзышань не понимала, о каком именно облегчении говорит Хэ Янься, пока та не выпалила с вызовом:

— Разве у вас, праведников, нет своих моральных принципов и долга? Разве вы не обязаны выполнять то, что обещали?

Му Цзышань ответила с пугающим спокойствием:

— Ты сама говорила, что не будешь принуждать меня к тому, что противоречит моим принципам. Разве ты не понимаешь, что если я не убью тебя и останусь твоей служанкой, это и будет предательством моего долга и чести?

— Ты... — Хэ Янься затрясло от гнева. Она сжала кулаки так, что побелели костяшки, и сквозь зубы процедила: — Не думала, что ты... посмеешь обмануть меня.

— Всю мою семью из шести человек убили люди из Дворца Цюньин. Если бы не милость моего наставника, который взял меня в секту Тяньюй, я бы давно сгинула на улице от голода... Если бы ваш дворец не творил зло и не губил невинных, разве погибли бы мои родители, брат, сестра и дедушка с бабушкой в собственном доме? У меня с тобой кровная вражда, как ты могла подумать, что я стану твоей служанкой?!

К концу речи голос Му Цзышань сорвался на крик, она вся дрожала, словно вновь переживая те страшные воспоминания. В её глазах, прикованных к Хэ Янься, читалась нескрываемая ненависть.

Хэ Янься, которая до этого кипела от злости, внезапно остыла. Она знала, что Му Цзышань сирота, воспитанная главой секты Инь Минфэном, и думала, что та пытается убить её лишь по приказу учителя. Она и представить не могла, что за этим стоит такая трагедия. Неудивительно, что Му Цзышань так ненавидит её, особенно после всего, что она сама с ней сделала.

Хэ Янься не знала, что сказать. Импульсивный гнев уступил место странной тяжести на душе.

— Кто убил твоих родителей — к тому и иди, зачем вешать этот грех на меня? Сколько мне было лет, когда их убили? Какое отношение я имею к твоей кровной вражде? — голос её оставался жестким, но напор заметно ослаб. Эти слова прозвучали логично, и Му Цзышань, не находя ответа, лишь молча глотала воздух, задыхаясь от бессильной ярости. Наконец, она выдавила:

— Даже если мои родные не имеют к тебе отношения, разве ты мало зла совершила? Твоих грехов не искупить, даже если ты умрешь тысячу раз!

— Если я кому-то должна — пусть придет и потребует своё. Я, Хэ Янься, не боюсь тех, кто ищет мести. Сколько бы зла я ни творила при жизни, я не боюсь, что после смерти демоны будут терзать меня в Аду Вырывания Языков. Как мне жить — моё личное дело, и не вам, посторонним, меня судить!

Это были самоуверенные, порочные речи, но из уст Хэ Янься они звучали так властно, будто были самой истиной. Му Цзышань лишь дрожала от негодования, не зная, как возразить.

— А ты — не думай, что сможешь так легко умереть. Ты ведь так зависима от своей младшей сестры по секте, верно? Неужели ты думаешь, что, отпуская её, я не оставила козырь в рукаве?

Хэ Янься успокоилась, но стоило ей упомянуть младшую сестру Му Цзышань, как лицо той, только что раскрасневшееся от гнева, мгновенно побледнело.

— Что ты хочешь этим сказать? — в голосе Му Цзышань промелькнул страх. Хэ Янься не ответила, она лишь с предвкушением наблюдала за ней, а затем достала из потайного кармана маленькую шкатулку.

Шкатулка из белого нефрита была украшена золотой вязью. Хэ Янься открыла её: внутри, свернувшись клубком, лежала черная змейка размером с дождевого червя. Она изредка высовывала алый раздвоенный язык, и от этого зрелища становилось не по себе.

— Это существо называется Гу Змеи И. Их растят парой — самца и самку. Они связаны до самой смерти: даже если их разделят тысячи миль, стоит одному погибнуть, как другой проживет лишь несколько дней...

Хэ Янься смотрела на Му Цзышань, и та, осознав смысл сказанного, побледнела ещё сильнее, не в силах вымолвить ни слова.

— Когда одна змея умирает, она выпускает весь свой яд. Не смотри, что она мала, это самый страшный яд в мире. Достаточно капли, чтобы убить сотню человек... — Хэ Янься жестоко улыбнулась, наблюдая за реакцией Му Цзышань. Та была полностью раздавлена. — У меня в

руках самец, а вторая змея — в животе у твоей сестры. Стоит мне убить эту... и твоя сестра не проживет и нескольких дней.

Му Цзышань бессильно разжала кулаки и опустила голову. В конце концов, эта женщина нашла её самое уязвимое место. Сопротивление стало невозможным. Она чувствовала себя насекомым, попавшим в паутину: как ни бейся, не вырваться.

— Впредь води себя послушно и не зли меня... Иначе я не буду так добра к твоей сестре.

Хэ Янься произнесла это холодным тоном и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Меч так и остался лежать на полу. Она знала, что теперь Му Цзышань ни за что не решится на самоубийство. И та действительно лишь смотрела на брошенное оружие, то сжимая, то разжимая кулаки, пока наконец не опустила руки.

Она так и не подняла меч. Последний лучик света в её глазах медленно угас.

В домике за Дворцом Цюньин зажглись огни. Снаружи он казался самым обычным, но внутри всё сияло золотом. Это было жилище Матушки Ма. Она обожала золото, и всё убранство состояло из золотых изделий. Хэ Янься не раз попрекала её за отсутствие вкуса, называя это вульгарностью, но Матушка Ма лишь смеялась: Если вам не нравится золото, госпожа, можете забрать его себе.

Хэ Янься редко заглядывала сюда, жалуясь, что от блеска золота рябит в глазах. Однако сегодня она пришла, чем немало удивила хозяйку. Хэ Янься велела принести вина и закуски, устроившись на кушетке так, словно была у себя дома.

Матушка Ма знала её больше десяти лет и понимала: если госпожа пришла сюда пить, значит, на душе у неё беспокойно. В детстве, когда она ещё называла её тетушкой Ма, та вела себя точно так же — дерзкая, невоспитанная, совсем не уважающая старших. Но Матушка Ма не могла бросить её, видя в этой девочке отражение своей собственной молодости.

Когда-то Матушка Ма была лишь рядовой послушницей, умевшей только вкусно готовить. Хэ Янься прибежала к ней на запах еды, так они и сблизились. Теперь же, глядя на неё, Матушка Ма улыбнулась с легкой грустью:

— Госпожа, вы давно не навещали старуху...

Хэ Янься молчала, продолжая пить. Вскоре она отослала слуг и предложила Матушке Ма сесть рядом.

— Что-то случилось? — спросила та, пригубив вина. Хэ Янься молчала, и Матушка Ма

заговорила сама: — В молодости я была своевольна, жила как хотела и стремилась всё контролировать. А потом встретила человека, и всё пошло прахом. Никогда ничем не интересовалась, не злилась так сильно, не делала того, чего раньше избегала... Я была в смятении, совершала ошибки, и пути назад не стало.

Хэ Янься слушала молча, не поднимая головы.

— Иногда перемены не замечаешь, пока не становится слишком поздно, — Матушка Ма смахнула невидимую слезу.

Спустя долгое время Хэ Янься произнесла, словно про себя:

— Я просто не понимаю, почему могу удержать этого человека только через ту девчонку... Чем она лучше меня?

Матушка Ма рассмеялась, глядя на неё как на ребенка, что вызвало у Хэ Янься лишь раздражение.

— Госпожа, вы просто ревнуете.

— С чего бы мне ревновать девчонку, у которой ничего нет? Ни мастерства, ни статуса, ни ума, ни красоты — она же мне в подметки не годится!

— Просто в её сердце нет места ни для кого, кроме сестры, — поддела её Матушка Ма. Лицо Хэ Янься помрачнело.

— Мне плевать, кто у неё в сердце! — Хэ Янься с грохотом опустила чарку. — Ты несешь чепуху. Я ухожу.

Она вышла из домика, а Матушка Ма, не унимаясь, крикнула вслед, чтобы та была осторожнее на ночной тропе, что ещё больше взбесило Хэ Янься.

Не заметив как, она оказалась у дворика Му Цзышань. Луна светила ярко, воздух был прохладен. Му Цзышань стояла во дворе, её одежды развевались на ветру. Она подняла меч, лежавший на столе. Хэ Янься инстинктивно потянулась к поясу, но вспомнила, что подвески больше нет. Она уже хотела найти другой предмет, чтобы выбить меч, но услышала свист рассекаемого воздуха — Му Цзышань просто танцевала с мечом под луной.

В своих простых синих одеждах она казалась воплощением чистоты и изящества. Каждое движение было плавным, словно течение воды. Хэ Янься замерла, не в силах оторвать взгляд. Это зрелище подходило Му Цзышань гораздо больше, чем постельные утехы. В этот момент она казалась недосыгаемой, и Хэ Янься внезапно осознала: она ревнует. Ревнует до безумия к той девчонке, которая занимает все мысли Му Цзышань.

Она хотела быть ближе, хотела, чтобы на неё смотрели с той же нежностью, хотела обладать ею целиком — телом, сердцем и душой. Хэ Янься впервые в жизни так сильно хотела заполучить человека.

Когда доложили о срочном сообщении из Яньчжоу, Хэ Янься лежала на кушетке у Матушки Ма. Посланец был изможден, но сразу же передал письмо в руки госпожи.

Хэ Янься вскрыла конверт. Матушка Ма, помешивая еду, мельком взглянула на неё и поняла: новости плохие.

— Что там? — спросила она, поставив блюдо на стол.

— Они подкупили чиновников, но влияние клана Чу слишком велико... Господин Лань и его семья... — Хэ Янься сжала письмо так, что костяшки побелели. В её глазах пылала ненависть, которую Матушка Ма видела редко.

Она не понимала, почему глава дворца так печется об этом опальном чиновнике из государства Дацзинь, да ещё и скрывает свою помощь.

— Что собираетесь делать? — спокойно спросила Матушка Ма.

— Я сама отправлюсь в Яньчжоу, — ответила Хэ Янься.

Матушка Ма была поражена. Хэ Янься никогда не возвращалась в родные края, словно там было что-то, чего она боялась или не хотела вспоминать. А тут — ради какого-то чиновника?

— В таком случае, госпожа, я поеду с вами. Давно не было дел, — Матушка Ма не хотела упускать шанс узнать, что же стоит за этим загадочным решением.

<http://bllate.org/book/21760/2250249>